

ЕВРАЗИЙСКИЙ «СТЕПНОЙ ПОЯС»: У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ

Е.Н.Черных

Евгений Николаевич Черных, член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией естественнонаучных методов Института археологии РАН. Руководитель проекта РГНФ, 05-01-01059.

Первую публикацию статьи см.: Природа. 2008. №3. С.34–43

Взгляд на проблему

В апогее своего развития Евразийский «степной пояс» скотоводческих культур предстает перед современными исследователями поистине необозримым по своей гигантской протяженности. С запада на восток, от бассейна Нижнего Подунавья вплоть до Манчжурии – фактически без сколько-нибудь заметных перерывов – пролегали пространства, превышавшие 8 тыс. км. Тогда же полностью оккупированные мобильными воинственными степными народами территории занимали до 16–17 млн. км² (рис.1) – и это в относительно «мирные» периоды существования!

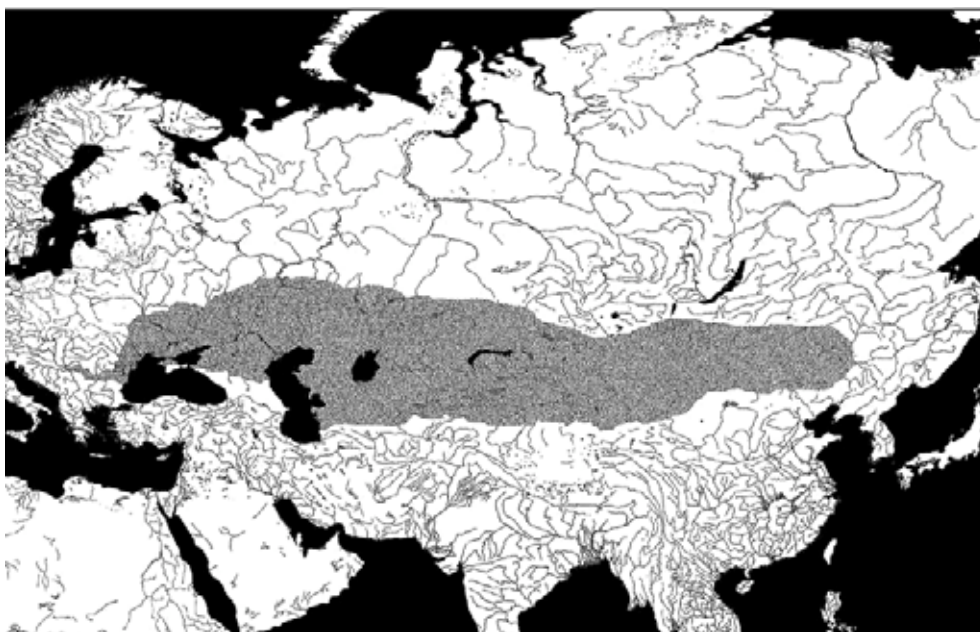

Рис.1. «Степной пояс» евразийских скотоводческих культур: контуры территориального «домена».

В течение весьма длительного времени степная зона служила специфичным базовым «доменом» скотоводческих культур. Однако «домен» этот включал в себя также расположенные севернее и экологически существенно более комфортные для обитания скотоводов лесостепные регионы. Помимо всего, эти популяции кочевали повсеместно не только в полупустынных, но даже в мало приветливых для обитателей пустынных регионах: от Закаспийских Каракумов и Кызыл-кумов вплоть до Гоби в центре Азии. Пастухов степных сообществ не столь уж редко можно было встретить и по южным окраинам горно-таежных регионов (к примеру, на Саяно-Алтае или в других областях). По этой причине понятие «степной пояс» следует понимать как достаточно условное: в реальности сам «пояс» включал в свою орбиту намного более обширные пространства.

Не следует также думать, что от южного – оседлых земледельцев – и северного – лесных охотников и рыболовов – миров изучаемый на ми «пояс» отчленяли строгие демаркационные рубежи. Напротив, в сущности, на всей его огромной протяженности, и фактически на всех этапах его существования, возникали весьма заметные по территориальному охвату регионы, где наблюдалось чересполосное сосуществование разнообразных типов культур. Там

степняки-скотоводы, начиная с медного века и вплоть до средневековья, время от времени глубоко внедрялись в исконные области оседлых земледельческих культур.

В исторической реальности процесс распространения и территориального охвата культур «степного пояса» всегда отличался волнообразным характером. В случае удач динамичные воины-скотоводы могли подчинять чуждые им популяции на воистину необозримых пространствах. Захватнические устремления степняков были нацелены, как правило, к югу от их «домена», когда они старались вторгнуться глубоко в зону оседлых земледельческих культур. Внезапно слабея, они без промедления откатывались к северу.

Отметим также одно исключительно важное обстоятельство. Почти всегда за их спиной оставались культуры гигантской северной таежной зоны Евразии. По всей видимости, последние почти непременно в большей или меньшей степени ни зависели от степняков. Судя по всему, коварного удара «со спины» степные скотоводы не опасались: слишком слабыми и разобщенными казались племена лесных охотников и рыболовов. Однако именно отсюда, с севера, в конечной фазе их бытия и последовал самый трагичный для степных скотоводов удар.

В последние шесть тысячелетий, т.е. вплоть до нового времени или же до XVIII и даже XIX вв., евразийский «пояс» степных культур являлся, без сомнения, одним из самых поразительных феноменов в истории народов этого континента. Периоды всеогражающих, невиданных по своей стремительности нашествий всадников – этих непобедимых в те исторические моменты воинов – не редко повергали в буквальный паралич волю носителей многих оседлых культур. В долгой исторической памяти тех народов, которые не только в научной, но да же в популярной беллетристике привычно относят к разряду «цивилизованных», обыкновенно всплывают картины прошлого, обильно окрашенные кровью и мраком тотальных разрушений. Подобными воспоминаниями наполнены не только письменные источники, но также изустные сказы и эпические предания.

«Кто эти исчадия? Откуда появились эти нелюди? Из каких пустынных глубин? Не из диковинной ли и проклятой Богом страны Тартар? Говорят, что питаются эти дьявольские создания мертвечиной и изъясняются на никому неведомом языке. Видать, за тяжкие грехи Господь мог наслать на нас эту адскую напасть».

Примерно такими смятенными загадками в XIII в. мучились многие властители христианской Европы, вплоть до Британских о-вов [1]. Сходные стенания слышались тогда же и в большинстве регионов Азии. Связано было это с началом Чингизовых завоеваний. Всеохватная евразийская империя Чингизидов явилась, конечно же, как подлинным апогеем, так и заключительным актом степного насилия, его своеобразной «лебединой песней». Традиция огромной массы резко отрицательных средневековых оценок татаро-монгольских сокрушительных завоеваний сохранилась в мировой литературе до наших дней. И, пожалуй, только один из известных автору исследователей – Л.Н. Гумилев – проявил себя энергичным и последовательным апологетом этих губительных катастроф, которые, как он провозглашал во многих своих публикациях, никакими катастрофами вовсе не являлись.

Однако ужаснувшие мир монгольские завоевания лишь завершали длинную череду подобного рода бедствий. Предшественниками Чингизхана и его прямых наследников стали, например, гунны со своим легендарным вождем Атиллой. Появились они на западе Евразийского континента опять-таки из неведомых для европейцев и устрашавших их глубин Азии. Неукротимые всадники гуннов наносили разящие удары по обеим – восточной и западной – частям некогда единой Римской империи.

В своем продвижении вниз по хронологической шкале, пересекая рубеж новой эры, мы погружаемся в степной скифо-сарматский мир. В I-м тысячелетии до н.э. он простирался от низовьев Дуная вплоть до Западной Монголии. Богатейшие и нередко насыщенные золотом курганные захоронения скифо-сарматских вождей до сих пор горячо волнуют как исследова-

телей-археологов, так и широкую публику. В конце VI в. до н.э. персидский царь Дарий, намеревавшийся с помощью своего воинства наказать и сокрушить лишь малую крупицу этого необъятного кочевого мира, потерпел полную неудачу. Об этом подробно поведал Геродот, и в его повествовании был явственно очерчен тот залог стратегической неуязвимости степных всадников, который имел место во все предшествующие и последующие исторические эпохи (фактически до Нового времени).

По всей вероятности, наиболее тяжкие страдания от крайне болезненных, а порой и трагических столкновений с миром степных культур испытывал Китай. Причем борьба эта продолжалась не менее трех тысячелетий, вплоть до позднего средневековья. И если для более западных евразийских пространств южный мир от степного, северного отделяли могучие горные цепи – от Кавказа вплоть до Памира и Тянь-Шаня – то китайцам пришлось, по сути, бесконечно долго сооружать и достраивать свою знаменитую «Великую» стену, которая почти всегда оказывалась крайне слабым барьером против летучих отрядов «степных ковбоев».

Первые признаки зарождения Евразийского «степного пояса» – этого устранившего столь многих степного феномена – проявились в самом начале эпохи раннего металла или же в медном веке, то есть с V тыс. до н.э. Примерно через 35–40 столетий, т.е. уже к концу 2-го тысячелетия до н.э., границы «степного пояса» приобрели те контуры, которые в своих главных чертах сохранились в течение последующих трех тысячелетий.

Понятно, что в краткой статье мы в состоянии наметить лишь *генеральные этапы* сложения «степного пояса», имевшие место в эпоху раннего металла, – их можно выделить три. Фундаментом настоящего исследования стали обширные базы данных о древнейшем металле различных металлургических провинций, накопленные и систематизированные автором и сотрудниками Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН. Только привлеченные к затронутой в этой статье проблематике базы данных превысили более 120 тыс. предметов, число же системно обработанных радиоуглеродных датировок по ¹⁴C приближается к 3 тыс.

Первые признаки

В 5м тысячелетии до н.э. на пространствах от Адриатического моря вплоть до Нижнего Поволжья в Старом Свете возникла первая металлургическая провинция медного века (рис.2). Мы именуем ее Балкано-Карпатской, поскольку основные производящие металлургические центры этого формирования локализовались в богатых медными рудами горных районах Северных Балкан и Карпат [2]. Здесь из руд многочисленных месторождений выплавляли медь, а из нее выделяли множество орудий и оружия (рис.2). В лишенных собственных рудных богатств более восточных регионах – на степных и лесостепных просторах этой части Европейского континента – из привозной балкано-карпатской меди могли лишь отливать или отковывать орудия и украшения. Формирование сложной взаимосвязанной системы металлургических и металлообрабатывающих очагов, под которой мы и понимаем металлургическую провинцию, явилось событием чрезвычайной важности. В конечном итоге данному событию стали придавать воистину глобальный характер. Ведь именно здесь зарождалось реальное горнометаллургическое производство нашей планеты; и именно таким образом был заложен один из самых важных камней в фундамент цивилизаций современного типа.

То, что эта провинция сформировалась на севере Балкан и в Карпатах, в начале удивило многих. Согласно старым и, казавшимся нерушимыми аксиомам исторической и археологической наук, это производство никак не могло здесь появиться ранее того, что было известно в Месопотамии или же, скажем, в Египте. Ведь постулат «Свет с Востока» представлялся неколебимым: только на Ближнем Востоке – и не ранее 3го тысячелетия до н.э. – могли зародиться все сколько-нибудь примечательные идеи и технологии. Но Балкано-Карпать весьма удалено от библейских равнин... Внедрение радиоуглеродной хронологии в

арсенал основных методов археологии резко поколебало прежнюю умозрительную картинку: активно развивающиеся аналитические исследования неумолимо с каждым новым шагом утверждали значительно более глубокую древность зачаточной, но вместе с тем поразительно высокоразвитой балкано-карпатской металлургии.

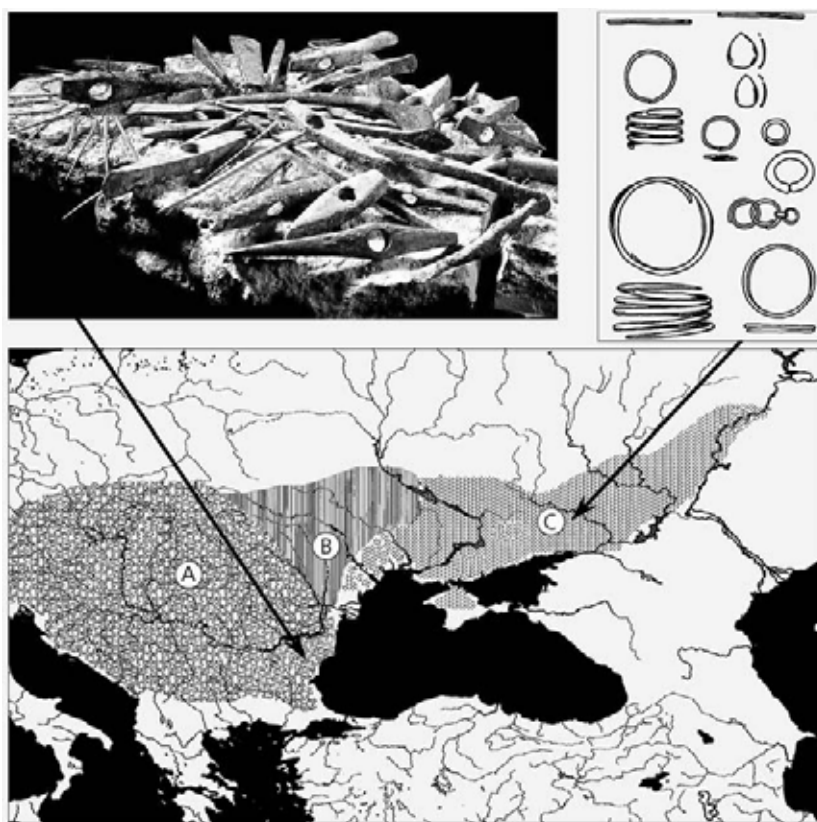

Рис.2. Ареал Балкано-Карпатской металлургической провинции V тыс. до н.э. А – центральный блок культур; В – блок трипольских культур; С – блок степных скотоводческих общностей. Вверху: слева – набор медных орудий и оружия центрального блока (Варненский некрополь); справа – медные украшения из памятников культур степного блока.

Балкано-Карпатская провинция, наряду с производством тяжелых медных орудий и золотых украшений, отличалась еще рядом примечательных особенностей, из которых мы привлечем внимание лишь к одной, но весьма важной для нашей проблематики. В структуре культур провинции легко вычлениаются три блока. Первый – коренной, или центральный: вся повседневная жизнь людей протекала здесь на постоянных долговременных селищах. У этих древних поселков мощные многометровые слои тех отложений, что археологи именуют «культурным слоем», насыщены бесчисленными обломками великолепно изготовленной и украшенной причудливым орнаментом глиняной посуды. Аборигены обитали в глинобитных, порой двухэтажных жилищах. Одним из важнейших занятий этих народов было земледелие, но профессионально обособленные кланы этих популяций разрабатывали рудники и выплавляли медь.

Второй блок культур охватывал пространства к востоку от Карпат – в областях нынешней Западной Украины вплоть до правобережного Поднепровья. Совокупность их памятников, известная под названием весьма знаменитой *трипольской* культуры (по имени одного из первых обнаруженных археологами близ Днепра поселков – *Триполья*). Весьма сходная с балкано-карпатскими, она отличалась лишь отсутствием горнометаллургического промысла. Местные племена использовали привозной металл из металлургических центров центрального блока.

Но наиболее интересным в системе Балкано-Карпатской провинции для нашей темы, оказывается, пожалуй, восточный блок культур, занимавший степные и лесостепные пространства Восточной Европы от Днепра вплоть до Среднего и Нижнего Поволжья. Все сколько-нибудь примечательные детали материальной или духовной жизни резко контрастны тем, что были присущи западным соседям. Здесь совершенно не ведали земледелия, а основным источником жизнеобеспечения и забот служил скот. Селища, как правило, отлича-

лись тонким «культурным слоем», что говорило о несравненно более подвижном образе жизни.

Культура степняков предстает перед нами в большей степени благодаря раскопкам их кладбищ. Глиняные сосуды отличались несравненно более примитивными формами и техникой лепки. Металл балкано-карпатских производственных центров они получали при контактах с племенами трипольской общности, из привозной меди степняки отковывали лишь нехитрые по форме украшения (рис.2), а медных орудий и оружия по неведомой причине они чурались вовсе.

Даже беглое сопоставление первого и второго блоков оседло-земледельческих культур, с одной стороны, и третьего блока степного скотоводческого населения Восточной Европы, с другой, позволяло многим археологам полагать, что перед нами народы двух совершенно различных уровней социального и технологического развития. На западе живут и трудятся популяции, по существу подошедшие вплотную к уровню ранних цивилизаций, степной же восток занят культурами «варваров», полностью зависимыми от «просвещенного» Запада. Что же, получается: пришла пора провозглашать совершенно новую аксиому – «Свет с Запада»?

У истока степных курганных культур – второй этап

Однако уже в следующем, 4-м тысячелетии до н.э. картина изменилась до чрезвычайности. Медный век сменился ранним бронзовым, и наступил второй этап формирования «степного пояса». К юго-востоку от ареала скотоводческих общностей, составляющих третий блок Балкано-Карпатской провинции, в степях и предгорьях Северного Кавказа, возникла культура, не имевшая до тех пор аналогий или же явных прототипов. Людей там часто хоронили под громадными насыпями, получившими в новое время название курганов. Самые величественные искусственные надмогильные холмы, по всей вероятности, отличали персон с наивысшим социальным статусом.

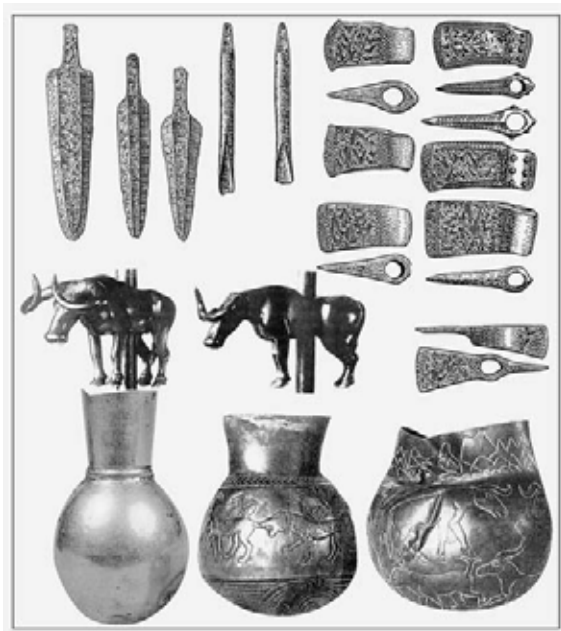

Рис.3. Бронзовые оружие и орудия, фигурки, золотые и серебряные сосуды майкопской культуры.

Покойников нередко помещали в обширные каменные «ящики», выложенные каменными плитами. Погребенных под крупными курганами чаще всего сопровождал поразительно богатый инвентарь: бронзовое оружие и посуда, золотые и серебряные сосуды и украшения (рис.3), а так же изделия для отправления загадочных ритуалов. Культуру эту археологи стали именовать *майкопской*, поскольку первое удивившее своим богатством погребение было вскрыто в городе Майкопе еще в конце XIX в.

Многие важнейшие черты и парадоксальные особенности майкопской культуры постоянно привлекали пристальное внимание исследователей. Во-первых, всегда отмечалось яркое своеобразие этой курганной и в основе скотоводческой культуры на фоне как отдаленных, так и ближайших соседей.

Оседлые земледельцы окружали ее ареал с юга – в основном уже за Главным Кавказским хребтом. Степные скотоводы, «третий блок» Балкано-Карпатской провинции, оккупировали северные степи и лесостепи.

Во-вторых, бросалось в глаза почти фантастическое богатство металла и разнообразие форм изделий. Последняя черта особенно интриговала археологов, поскольку никаких свидетельств местного металлопроизводства у майкопского населения до сих пор найти не удалось, а в южных краях – уже за Кавказом – коллекции металла из памятников оседлых земледельческих культур при сопоставлении с майкопским великолепием выглядели крайне блекло [3].

В-третьих, бросался в глаза бледный, если не сказать порой убогий, облик большинства майкопских поселков на фоне великолепия курганных некрополей.

И, наконец, в-четвертых, поражал весьма ранний возраст майкопских памятников, покрывавший все десять столетий 4-го тысячелетия до н.э. Последнее в особенности шокировало сторонников теории «Свет с Востока», поскольку и в данном случае некогда бесспорная историческая аксиома претерпевала вполне ощутимый урон.

Майкопский феномен развивался на фоне угасающей Балкано-Карпатской металлургической провинции, но в стороне от нее и независимо от нее. Когда же провинция распалась окончательно, ареал последней оказался поглощенным абсолютно новой и многократно более обширной системой, названной Циркумпонтийской металлургической провинцией (ЦМП). Само название провинции было обусловлено тем, что основные производящие центры этой системы располагались вокруг Черного моря (рис.4), или же *Понта Эвксинского* древних греков. Металлургия и металлообработка ЦМП по своим основным признакам существенно отличалась от канувшей в вечность Балкано-Карпатской провинции. Майкопская же культура с ее большими курганами и удивительным металлом явилась во многом своеобразной «прародительницей» Циркумпонтийской провинции.

В системе ЦМП статус, прежде всего майкопской культуры, а также ставших ее наследниками более поздних степных восточноевропейских общностей – типа так называемой *древнеямной* – резко разнился оттого, что мы отмечали для предшествующего медного века. Северную зону ЦМП (рис.5) представляли теперь скотоводческие мобильные *курганные культуры и общности*, порою явно «демонстрировавшие» независимость от южных оседлых народов, а также особую значимость. Пастушеские племена по традиции и донине продолжают по рой именовать варварскими. Однако эти «варвары» с 4го и в основном уже в 3м тысячелетии до н.э. начали свою пугающую оседлых «цивилизованных ферме ров» активность. Получая основную долю металла из богатых южных стран, они энергично развивают собственное металлообрабатывающее производство. Иногда могло даже сложиться впечатление, что своим металлом южане старались «откупаться» от агрессивных пастухов-воинов. Теперь у носителей курганных культур выходит на первый план отливка оружия и орудий, а некоторые из этих форм – к примеру, боевые топоры – становятся даже исходными для больших серий аналогичных изделий на Ближнем Востоке или в Малой Азии. Если анализировать, скажем, изображения на барельефах из этих южных областей, то топоры исходных степных форм на юге предстают оружием весьма высокого ранга: оно в руках лишь высших иерархов и даже божеств. Тогда же – в конце 4-го тысячелетия – кочевые народы курганной «древнеямной» археологической общности открыли в степях Южного Урала гигантское меднорудное поле Каргалы. В среде пастухов выкристаллизовались группы людей, приобретающих профессиональные навыки, постигавших умение самостоятельной выплавки из руд меди, а из нее отливки и отковки различного рода изделий.

В 3-м тысячелетии до н.э. общности кочевников-скотоводов, а также мобильных «полuosедлых» пастухов оккупировали внушительные пространства, превышавшие 1 млн. км² – от низовьев Дуная вплоть до северо-каспийских полупустынь. Не вполне ясные следы их действий можно было увидеть даже далеко на востоке – вплоть до степного Алтая. Однако реализация их восточных устремлений (пока что трудно доказуемых) откладывалась еще на тысячу лет.

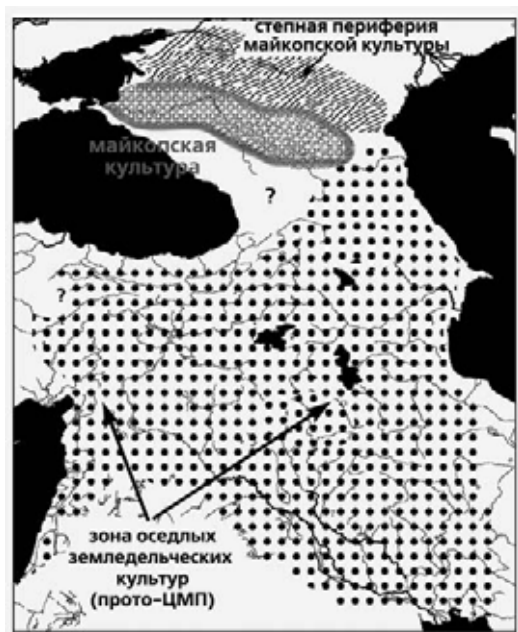

Рис.4. Ранняя фаза Циркумпонтийской металлургической провинции.

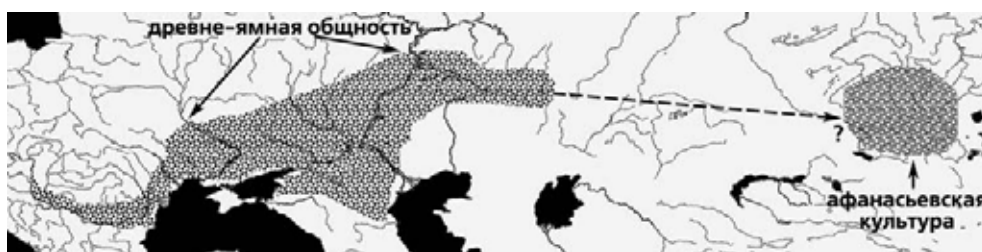

Рис.5. Вторая фаза Циркумпонтийской металлургической провинции. Ареал древнеямной общности и ее предполагаемых восточных параллелей.

Третий этап сложения: Восток–Запад

На рубеже 3-го и 2-го тысячелетий до н.э. явно проявили себя важнейшие черты третьего этапа формирования «пояса», а на Евразийском континенте зарождались сообщества позднего бронзового века. То было время фантастической активизации степных скотоводов, приведшей к середине 2го тысячелетия к тому, что «степной пояс» приобрел вполне отчетливый и заверченный характер своих контуров. В позднебронзовом веке металлоносные культуры Старого Света достигли своего территориального максимума в 40–43 млн. км² [3]. Вплотную приблизился к высшим значениям в 16–17 млн. км² также и «степной пояс» скотоводческих формирований. Следовательно, в общем пространстве культур и общностей, познавших металл и его преимущества, на долю степных объединений приходилось не менее 40% всех территорий – а это весьма впечатляет!

В истории народов «степного пояса» в эпоху поздней бронзы особую роль сыграли две гигантские металлургические провинции – Евразийская и Восточно-азиатская. Первая распространяла свое воздействие от Поднепровья до Алтая и от степных и полупустынных областей Предкавказья и Средней Азии вплоть до таежного севера (рис.6). Она отличалась отчетливо монокультурным характером своих сообществ, что особенно ярко проявилось на фазе ее стабилизации в XVIII/XVII–XV/XIV вв. до н.э. К тому времени ее общая площадь достигла при мерно 8 млн. км². Всю ее южную часть занимали памятники двух гигантских общностей: так называемая *срубная* в Восточной Европе и *андроновская* в азиатской части. Однако старт или начальная фаза формирования этой «монокультурной» провинции казались весьма необычными.

Рис.6. Ареал Евразийской металлургической провинции (ЕАМП) и северо-западные границы Восточно-азиатской металлургической провинции (ВАМП). Фаза стабилизации.

Ранняя фаза Евразийской провинции, датированная XXII–XVIII вв. до н.э., примечательна тем, что зародились две стремительные, встречные «волны» продвижения скотоводческих народов: с запада на восток и с востока на запад (рис.7). Первый или же западный импульс предстал вполне ожидаемым на фоне событий предшествующего времени. В конце 3го тысячелетия до н.э. в процессе распада Циркумпонтийской провинции скотоводы лесостепной и степной зон Восточной Европы устремились на восток, за Урал. Это привело к быстрому распространению скотоводческого уклада жизни у народов Казахстана, степной и полупустынной части Средней Азии и юга Западной Сибири.

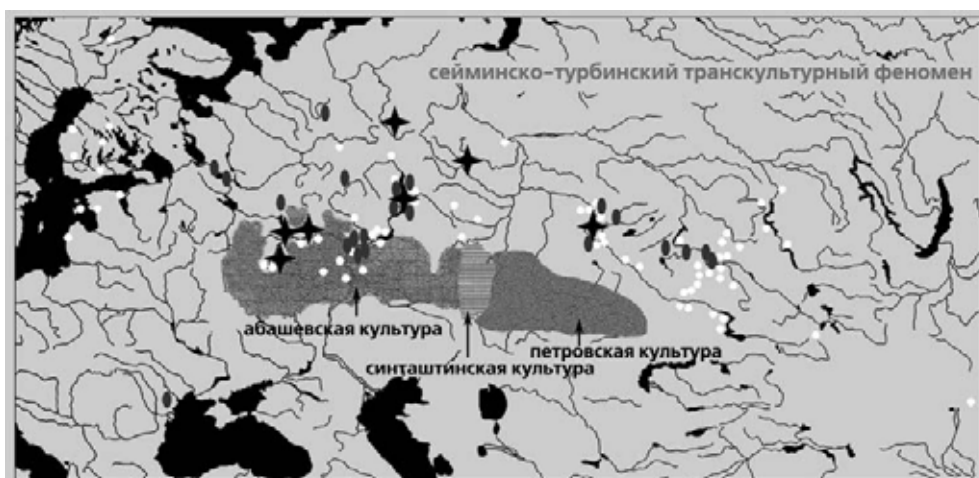

Рис.7. Фаза сложения Евразийской металлургической провинции. Две встречные волны распространения культурных образований. Звездочками обозначены могильники и святилища, точки и овальные фигуры – единичные находки металла сейминско-турбинского облика.

Инициаторами этого движения стали народы, оставившие после себя памятники, в которых археологи различают так называемую *синташтинскую* или же *абашево-синташтинскую* общность. В рамки последней входила также и петровская культура (рис.7). Популяциям этой общности по-прежнему было чуждо земледелие, а скотоводство, без сомнения, занимало центральное место в их повседневной жизни. Горнометаллургический промысел также успешно развивался на базе зауральских и казахстанских меднорудных залежей. За Уралом почти не стало курганных некрополей: древний ритуал сооружения надмо-

гильных насыпей здесь быстро отмирал. Археологам удалось открыть множество селищ этой общности, но поселки, как правило, крупными размерами не отличались.

Вторая «волна» (или же восточный импульс) оказалась для исследователей намного более неожиданной. Загадка ее проистекала хотя бы из того, что подобную «волну» трудно было предсказать и предположить. Ведь едва ли не на «пустом месте» в обширном ареале Саяно-Алтайской горной системы чрезвычайно быстро возник исключительно развитый тип металлургии. Относительно примитивные металлургические очаги предшествующего времени как будто не обещали стать базой внезапной вспышки производства высокотехнологичного тонкостенного бронзового литья изысканных и, пожалуй, неповторимых форм оружия. Здесь отливали наконечники копий, топоры-кельты, фигурные ножи со скульптурными изображениями различных животных и даже людей (рис.8). Огромное большинство этих вещей было обнаружено в очень странных могилах кенотафах, где археологи не находили человеческих останков [4]. Поразительно широк ареал распространения этих необычных древностей: от Западного и даже Центрального Китая вплоть до Восточной Балтики, т. е. более 6 тыс. км! Но на этой неохватной территории поражало также удивительно малое число самих металлических предметов: их не более шести сотен!

Рис.8. Некоторые формы металлических изделий сейминско-турбинского типа.

Однако именно так «вспыхнули» первые признаки зарождения другой великой металлургической провинции, которую мы именуем Восточно-азиатской. По сравнению с Евразийской она отличалась несравненно более сложной структурой.

В археологии восточная «волна» известна как *сейминско-турбинский транскультурный феномен* (по названию двух знаменитых могильников: *Сейма* и *Турбино*). Воинственные популяции стремительно продвигались на запад параллельно, но севернее встречного потока абашево-синташтинских племен, – уже по преимуществу в южной полосе лесной евразийской зоны. Крайне любопытно, но 35–40 столетий спустя именно этим путем, но уже на восток будут столь же стремительно продвигаться немногочисленные казачьи отряды – эти беспокойные и трудно поддающиеся дисциплине подданные Российского государства.

Однако во второй половине 2-го тысячелетия до н.э. кочевые скотоводы Восточно-азиатской провинции резко меняют ориентацию своих агрессивных устремлений. Отныне их взгляды нацелены в основном на юго-восток (рис.9), туда, где возникли богатейшие очаги культуры древнего китайского государственного образования, именуемого Шан (Инь), центры которого преимущественно связаны с бассейном Хуанхэ. Степняки, культуру которых археологи именуют *карасукской*, наследуют многие формы оружия предшествующего сейминско-турбинского феномена, отливая, прежде всего так называемые однолезвийные коленчатые ножи с фигурными рукоятями (рис.8). Именно эти формы оружия, а, скорее всего, их подражания распространяются по всей территории, подвластной правителям династии

Шан. С этого времени, по всей видимости, и берет свое начало великое противостояние степных воинов-скотоводов древним и средневековым китайским цивилизациям.

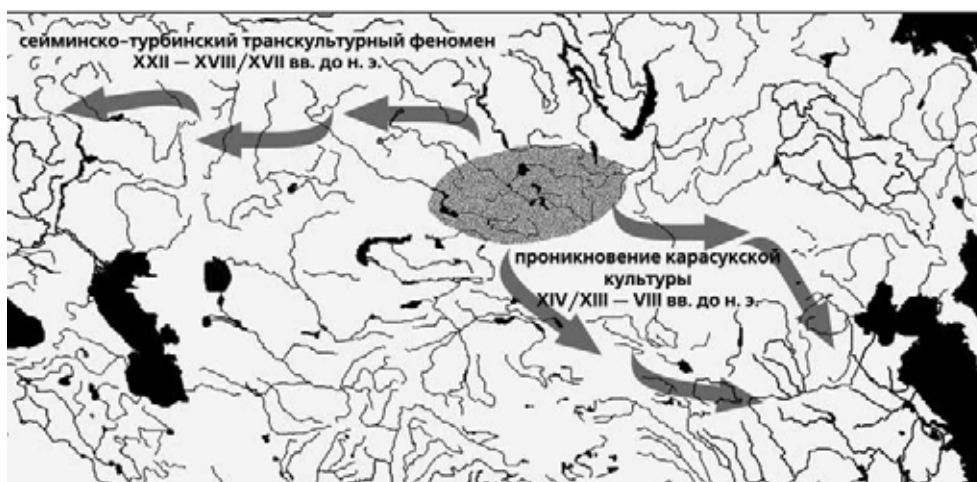

Рис.9. Важнейшие направления воздействий культурных объединений северо-западных (саяно-алтайских) центров Восточно-азиатской металлургической провинции в финале сложения евразийского «степного пояса».

Финал

Мы уже вспоминали о «звездном часе» степных скотоводов – о Чингизовых походах и едва не молниеносном формировании недолговечной евразийской империи Чингизидов. Ведь курултай монгольских племен поднял Чингизхана на белом войлоке в 1206 г. Однако уже в 1241 г., т.е. всего через 35 лет, монгольские летучие отряды сокрушали всех противников на поистине необозримых пространствах – от Тихого океана вплоть до Адриатики. Эти молниеносные завоевания охватили воистину гигантские пространства – до 30 млн. км²! Правда, до вольно скоро начали постепенно проглядывать и черты заката степного феномена. Как это ни удивительно, но самые сокрушительные удары степнякам нанес тот народ, что испытал один из самых тяжелых уронов от их нашествий – русские. Вспомним при этом, однако, что их большая или меньшая зависимость от степных воинов ощущалась еще долго. Ведь Российское государство выплачивало дань крымским татарам вплоть до времен Петра Великого.

Однако энергичный прорыв на восток – за Урал – российских казачьих отрядов начинается с 80х годов XVI в., уже вскоре после сокрушения Иваном Грозным Казанского ханства. Этот рывок хорошо известен в нашей литературе, и он связан, конечно, с легендарным для российской истории именем Ермака. Всего шесть десятилетий потребовалось казакам, чтобы после этого похода достигнуть восточной оконечности Евразийского континента: Семен Дежнев обогнул этот мыс по будущему Берингову проливу, отделявшему Старый Свет от Нового, в 1648 г. Так Россия постепенно овладевала и осваивала тот таежный тыл «степного пояса», который, как можно думать, степным скотоводам казался вечным и незыблемым. Новая и нависавшая с севера могучая сила постепенно и неуклонно давила степняков. Соппротивление их, однако, было весьма долгим и отчаянным. Первоначально смяли западный фланг «пояса», именовавшийся в русской традиции «дикой степью». Акция эта, как известно, восславил фаворита Екатерины Великой князя Потемкина Таврического.

Рис.10. Скотоводы-кочевники Монголии в 70-х годах XX в.

Гораздо позднее удалось усмирить центральную часть «пояса» – Казахстан и Среднюю Азию. Так, в 1820 г., т.е. спустя девять десятилетий после включения младшего жуза казахов в состав Российской империи, столичные власти организовали посольство в Бухару через Оренбург. *«Так как нам предстояло пересечь необъятные степи, посещаемые только кочевыми ордами, правительство снабдило нас конвоем из двух сотен казаков и двухсот пехотинцев, к которым затем присоединились двадцать пять всадников-башкир. Мы взяли с собою 2 артиллерийских орудия»*, – писал тогда статистик посольства Е. Мейендорф [5]. Однако после ликвидации во второй половине XIX в. независимости среднеазиатских эмиратов со «степным поясом» и в этой части Азии было покончено. В конце 2-го тысячелетия только в аридных монгольских степях и необъятных пустынях Гоби можно было наблюдать остатки этих кочевых и полукочевых скотоводов (рис.10).

Таким представал финал долгого, насыщенного драмами и трагедиями бытия этого поразительного феномена далекой – да и не столь далекой – истории евразийского «степного пояса».

ЛИТЕРАТУРА

1. Юрченко А.Г. Экспозиция // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. СПб., 2002.
2. Chernykh E.N. Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge, 1992.
3. Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б., Кузьминых С.В. // Российская археология. 2002. №1. С.5–15.
4. Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1992.
5. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. С.20.